

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ?¹

Многие методологи истории представляют себе исторический источник как «отражение» действительности. Однако извлеченная из источников информация никогда не бывает ни полной, ни адекватной изучаемому объекту. Любое историческое описание предполагает элемент конструирования, а историческое познание является частью исторического мышления, представляющего собой творческий процесс.

Ключевые слова: методология истории, историческое познание, историческое мышление, исторический источник, достоверность информации, полнота информации.

Что такое история? В польском языке «история» обозначается двумя терминами – historia («история») и dzieje («прошлое; прошедшие события»). Итак, история – это прошлое, история – это совокупность событий, история – это исторический процесс. Но, кроме того, история – это научная дисциплина. С этим последним соглашается О.М. Медушевская, когда пишет: «История рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целоностного и единого исторического процесса». И далее: «История человеческого мышления (когнитивная история) есть наука о человеке мыслящем и творческом, ежеминутно формирующем свою рукотворную, человеческую новую реальность»².

В польской исторической литературе мы встречаемся с неоднозначным описанием предмета исторической науки. Предметом исторической науки является прошлое (dzieje) общества, а целью – познание этого предмета. Польский методолог Б. Миськевич постулировал, что «термин dzieje относится к предмету исторического познания, тогда как слово historia — к исторической науке»³. Предмет исторической науки, т.е. прошлое общества, охватывает всю необычайно разнородную и сложную общественную жизнь. Трудно поэтому говорить о познании истории в ее совокупности. Восстанавливая исторический процесс, мы исследуем обычно определенные его фрагменты или отдельные аспекты. Похожий взгляд мы найдем у О.М. Медушевской, по мнению которой история «рассматривает человека в его эволюционном единстве и в

¹ Перевел с польского Д.А. Добровольский.

² Медушевская. 2008. С. 17–18.

³ Miśkiewicz. 1974. S. 99.

глобальном единстве обществ. Иначе говоря, для того чтобы, с одной стороны, рассматривать процессы человеческого мышления в их основных фундаментальных параметрах и с другой – проследивать динамику развития на протяжении всего исторического процесса, необходимо обращение к основной науке о человеке». Завершая эти размышления, О.М. Медушевская подчеркнула: «Историческая наука по характеру своего объекта может и должна быть наукой о человеческом мышлении»⁴. Добавим, что можно исследовать прошлое всего человечества, прошлое одного народа и прошлое определенного региона. Более того, предметом исследования могут стать прошлое техники, культуры и других областей деятельности общества или отдельного человека.

Исследуя / познавая прошлое, мы неоднократно обращаемся к источникам. Долгое время среди польских историков господствовало мнение, что исторические источники «отражают» действительность. Похоже смотрела на вопрос О.М. Медушевская, когда писала, что «каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, *отражение* целенаправленного создавшего его автора, и с другой — *отражает* эту общую картину мира»⁵. Некоторые польские методологи обращались к оптическим метафорам, сравнивая исторические источники не только со следами, но и с линзами или стеклами⁶. Но если бы источники действительно имели способность отражать развитие общественной жизни, то историк мог бы реконструировать прошлое, а ведь это невозможно. Представляется более точной формулировка Е. Топольского, по мнению которого исторические источники не только не отражают прошлого, но и не являются его «следами». В уме историка возникает «отражение» действительности, но для ее понимания историку необходим язык. С его помощью историк описывает прошлое, конструирует свое представление о нем. Исторические источники, отмечал Е. Топольский, не могут «отражать» прошлого, так как оно практически неисчерпаемо: «Можно только исследовать исторические источники и извлекать из них информацию о прошлом, а затем конструировать историческое повествование, опираясь на эту информацию, на внеисточниковое знание, которое также включает в себя сведе-

⁴ Медушевская. 2008. С. 23–24.

⁵ Там же. С. 55. Курсив мой — Т.М.

⁶ Topolski. 1973. S. 342. Там же приводятся и примеры такого словоупотребления, взятые из работ С. Косцялковского («всякий след исторического факта, служащий познанию, реконструкции этого факта») и Г. Лабуды («Историческим источником мы назовем всякие остатки, психофизические и общественные, которые, будучи продуктом человеческой деятельности, и, одновременно, участвуя в жизни общества, приобретают таким образом способность отражать это развитие»).

ния о структурах прошлого (очевидно, приблизительные, как и всякое другое знание), и на принципы исторического профессионализма»⁷. Источники – это следы исторических фактов, мыслей или поступков людей. Источники дают историку (студенту, школьнику, исследователю, читателю и т.д.) лишь первоначальную информацию, которая делает возможным конструирование исторических фактов. При этом они с самого начала обременены интерпретацией историка, который формулирует вопросы, вопросы же имеют свои основы, глубоко укорененные в языке. Как писал Е. Топольский: «когда я формулирую вопрос, я уже должен иметь какое-то знание (состоящее хотя бы в том, что я чего-то не знаю)»⁸.

Анализ исторического источника зависит не только от знаний исследователя и поставленных им вопросов, но и от исторической обстановки. О.М. Медушевская подчеркивала, что «никакой письменный текст не сможет передать информационного ресурса пространственных отношений вещи или пространственных отношений созданной вещи и того окружения, в которое она вписана»⁹. Кроме того, интерпретация зависит от того, с какой позиции интерпретируется рассказ источника. Пути интерпретации источника определяются современным исследователем в той же степени, в какой и создателем этого источника, человеком прошлого¹⁰. Для научного исследования очень важно повторное обращение к тому же самому источнику и повторный его анализ, делающий возможной более глубокую интерпретацию. В этом последнем уверены и Топольский, и Медушевская¹¹.

Извлеченную из источников информацию можно считать достоверной, но мы должны помнить, что она никогда не является ни полной, ни адекватной, поскольку мы никогда не можем быть уверены в полноте своего восприятия. Практически, это информация, которую нам удалось извлечь на данный момент, в определенных условиях, в частности — при определенном состоянии науки. Те аспекты прошлого, которых извлечь из источника пока еще не удалось, имеют потенциальный характер. Исследуя новый источник, задавая ему новые (другие) вопросы, мы можем получить новый взгляд на прошлое. Как пишет О.М. Медушевская, «формируется определенный диалог между зрителем или участником наблюдения и теми интеллектуальными продуктами, которые

⁷ *Topolski*. 1998. S. 35.

⁸ *Ibid*. S. 37.

⁹ *Медушевская*. 2008. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ *Topolski J*. 1998. S. 38; *Медушевская*. 2008. С. 64.

создаются на этом уровне»¹². Е. Топольский добавляет: «Историк получает сведения, нагруженные интерпретацией его информатора, зависящие от уровня знаний и системы ценностей последнего»¹³. В такой ситуации историк вынужден вычленивать из текста источника информацию об отдельных фактах, "отсеивать" из текста источника риторическую компоненту. Как подчеркивает Ежи Топольский, исторический источник не является источником истины¹⁴.

Часто бывает так, что мы не располагаем непосредственной информацией о событиях и вынуждены исследовать их по косвенным данным. В такой ситуации извлеченные из источников сведения служат исключительно как ориентиры мыслительного процесса, ведущего к объяснению того или иного факта в контексте выдвинутой нами гипотезы. Если ориентиры видны, значит наше умозаключение логично. И здесь мы подходим к вопросу, вынесенному в заглавие статьи. Историческое «познание» или историческое «мышление»? Этот вопрос неоднократно затрагивается в книге О.М. Медушевской¹⁵. Работа с источником это не только считывание и добыча информации. Работа с источником – это мыслительный процесс, включающий в себя анализ, умозаключения, сравнения и т.п. Именно поэтому Медушевская уделила внимание интерпретации гипотезы и аналитике (построению умозаключений).

Е. Топольский задал себе и своим читателям вопрос: «Способен ли исторический источник, или даже все доступные исторические источники привести нас к прошлому подобно тому, как след приводит охотника к зверю, а отпечатки пальцев указывают детективу на убийцу»¹⁶. Ответ был категоричным: нет, так как это прошлое уже не существует. Сколь бы ни был велик объем собранной информации, мы так и не увидим прошлого целиком. Отсюда вытекает заключение: историк не «реконструирует», а «конструирует» прошлое. О.М. Медушевская также указала на эту проблему, написав, что в историческом источнике представляется определенная конструкция. Историк проводит деконструкцию, т.е. выявляет информационный ресурс. Но в конце (и в этом отличие позиции О.М. Медушевской от позиции Е. Топольского) историк «осуществляет реконструкцию, т.е. представляет произведение как явление мышления индивида и его эпохи»¹⁷.

¹² Медушевская. 2008. С. 43.

¹³ Topolski. 1998. S. 44.

¹⁴ Ibid. S. 55.

¹⁵ Медушевская. 2008. С. 61.

¹⁶ Topolski. 1973. S. 36.

¹⁷ Медушевская. 2008. С. 282.

Для конструирования исторического повествования принципиально важно не только избегать противоречий, давать определения, создавать классификации и использовать системы категорий. Столь же важно понимать, как, собственно, рассуждают историки. Рассуждения в истории могут быть трех типов – дедукция, редукция и индукция.

Работая с источником, историк не только узнает (или пробует узнать) факты прошлого. Он также осуществляет историческое мышление. Историческое мышление как логическая операция, сопровождающая конструирование прошлого, неотъемлема от идеологии. Ежи Топольский называет в данной связи три пласта идеологии. Первый – это идеология историка как представителя данных социума и этноса, отождествляющего себя с этими группами, второй – идеология историка как личности, преследующей собственные (в том числе научные) цели, третий – профессиональная идеология ученых, в число которых входят и историки¹⁸. Между этими тремя идеологиями могут возникать (и возникают на практике) разного рода противоречия, которые могут быть обусловлены, например, принадлежностью историка к той или иной нации / конфессии, и связанными с этим предпочтениями, личными целями и групповым этосом научного сообщества. В результате появляется повествование, имеющее статус «исторического», но вовлеченное в идеологическое пространство, а получившееся произведение реализует определенные риторические каноны.

О.М. Медушевская указала, кроме того, на «конфликт интерпретаций». По ее мнению, конфликт интерпретаций возникает при расхождении между тем, о чем думал автор текста, и тем, о чем думает его читатель¹⁹. Ежи Топольский показывает, что основную роль в передаче исторического знания играет сам его потребитель, или читатель. Топольский противопоставляет «семантического» (наивного) и «семиотического» (критического) читателей. Наивный читатель осуществляет исключительно т.наз. семантическую интерпретацию, то есть воспринимает текст в его буквальном значении, в то время, как критический читатель совмещает семантическую интерпретацию с критическим отношением к содержанию текста²⁰. О.М. Медушевская также обратила внимание на эту проблему, указав на эмоциональное общение между автором исторической информации и исследователем, а также между исследователем, создающим исторический нарратив, и читателем его рассказа²¹.

¹⁸ *Topolski*. 1973. S. 148.

¹⁹ *Медушевская*. 2008. С. 234.

²⁰ *Topolski*. 1996. S. 152.

²¹ *Медушевская*. 2008. С. 75.

Ежи Топольский называет еще одну проблему интерпретации текста (понимаемого здесь как историческое повествование), состоящую в том, что необходимо принимать во внимание как цели произведения и намерения автора, так и интенции читателя. «Лишь объединение интенций читателя (т.е. того, что читатель способен в тексте найти и ожидает от него) с целью произведения и намерениями автора дает некое интерпретационное целое»²².

В результате критики источника, являющейся основанием исторического конструирования, мы получаем некую совокупность информации об отдельных исторических фактах. На основании этой информации историк приступает к созданию текста, задача которого – передать читателям то, что историк думает об описываемом им фрагменте прошлого. Так возникает «видение прошлого историком». Автор исторического повествования демонстрирует читателю то, каким образом он выстроил картину прошлого. Это одно из множества возможных видений прошлого. Читатель, в свою очередь, получает некое описание прошлого (фактов и исторического процесса), но не может сказать, является ли это описание и выражающая его словесная форма точными, так как мы не знаем, каково это прошлое было в действительности. Описание представляет некое историческое видение прошлого. Как отметил Е. Топольский, «нельзя сравнивать повествование с исторической действительностью»²³.

О.М. Медушевская была уверена, что результаты человеческого мышления сохраняются в ходе исторического развития²⁴. «Человеческое мышление, – писала она, – может быть познано в той мере, в какой человек захотел и смог запечатлеть свои мысли вовне, в продуктах своего творчества»²⁵. И эта констатация внушает оптимизм.

Завершим наши размышления словами О.М. Медушевской: «Человеческая деятельность направлена на познание механизмов функционирования реальных связей окружающего мира. Постигание этого механизма <...> есть жизненная потребность мышления»²⁶.

Другое высказывание О.М. Медушевской может служить ответом на вопрос, поставленный в заглавии статьи: «одно определение информации связано с процессами передачи знания, т.е. с процессами коммуникации, а другое – с когнитивным мыслительным процессом индивида

²² *Topolski*. 1996. S. 153.

²³ *Topolski*. 1998. S. 159.

²⁴ *Медушевская*. 2008. С. 13.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Там же. С. 243.

и ничем другим»²⁷. Добавим, со своей стороны, что как историческое мышление сопровождает историческое познание, так и познание прошлого происходит путем исторического мышления. Пользуясь математической лексикой, позволим себе констатировать, что историческое познание является подмножеством исторического мышления. Историческое познание содержится в историческом мышлении. Термин «историческое мышление» является более широким.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
Miśkiewicz B. Wstęp do badań historycznych. Warszawa; Poznań, 1974.
Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1973.
Topolski J. Wprowadzenie do historii. Poznań, 1998.
Topolski J. Problemy transmisji wiedzy historycznej w edukacji szkolnej // *Wiadomości historyczne*. 1996. Nr 3.

Марси, Тереса – доктор, адъюнкт Института истории и международных отношений Университета Казимира Великого в Быдгоще (Польша); teresamarsz@ukw.edu.pl

²⁷ Там же. С. 140.